

Рябцева Наталья Евгеньевна

ТОПОС ТЕЛА В СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ

В статье рассматривается структурно-семантическая модификация топоса тела как одной из форм художественной репрезентации антропологического типа пространства в современной женской поэзии. Топос тела исследуется в аспекте взаимодействия и динамики трех пространственных моделей: возрастного, патографического и любовно-эротического топосов. Основное внимание уделяется "телесной" топологии идиллического мифопространства, а также способам её семантической и структурной трансформации в метатексте современной женской поэзии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/3-1/42.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21): в 2-х ч. Ч. I. С. 151-153. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. Бочаров С. «Форма плана»: некоторые вопросы поэтики Пушкина // Вопросы литературы. 1967. № 12. С. 115-136.
2. Лотман Ю. М. Художественная структура «Евгения Онегина» // Труды по русской и славянской филологии: IX учен. зап. Тартус. гос. ун-та. Тарту, 1966. Вып. 184. С. 5-32.
3. Проскурин О. А. Поэзия Пушкина, или Подвижный палимпсест. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 438 с.
4. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 16-ти т. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1959.
5. Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 576 с.

PUSHKIN'S TAT'YANA MYSTERY

Romanova Elena Ivanovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Dnepropetrovsk National University named after O. Gonchar
romanova_dnepr@ukr.net

The author suggests a new perspective on the explanation of mysterious denouement of love collision in A. S. Pushkin's novel "Eugene Onegin", and supposes that implicit in the "novel in verse" genre ambivalence allows to consider love collisions not only in realistic (novel), but also in romantic (verse) poetics. Rejecting the love to Onegin (but I've become another's wife // and I'll be true to him, for life), Tat'yana remains true not only and not so much to her husband-General as to the other - Onegin from her previous romantic dreams and reveries.

Key words and phrases: novel in verse; romantic code; realistic code; minus device; elegiac discourse; novelistic discourse.

УДК 8;821.161.1

Филологические науки

В статье рассматривается структурно-семантическая модификация топоса тела как одной из форм художественной репрезентации антропологического типа пространства в современной женской поэзии. Топос тела исследуется в аспекте взаимодействия и динамики трех пространственных моделей: возрастного, патографического и любовно-эротического топосов. Основное внимание уделяется «телесной» топологии идиллического мифопространства, а также способам её семантической и структурной трансформации в метатексте современной женской поэзии.

Ключевые слова и фразы: топос тела; витальное пространство; патографический топос; топос детства и топос старости; мифопоэтическая модель пространства.

Рябцева Наталья Евгеньевна, канд. филол. н., доцент
Волгоградский государственный социально-педагогический университет
ryabtzeva.natalya@mail.ru

ТОПОС ТЕЛА В СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНСКОЙ ПОЭЗИИ®

Топос тела является одной из наиболее актуальных форм художественной репрезентации антропологического типа пространства. В метатексте современной женской поэзии весьма отчетливо прослеживается тенденция к структурно-семантической модификации антропологического типа пространства, причем решающая роль в этом процессе принадлежит «телесному» топосу, который эксплицируется в лирическом тексте в трех основных семантических разновидностях: возрастной топос (топос детства и топос старости); патографический топос; любовно-эротический топос.

Наиболее частотным вариантом художественной проекции топоса тела в современной женской поэзии является любовно-эротический идиллический хронотоп. Ярким примером модификации топоса тела как любовного топоса может служить творчество Веры Павловой. Большинство критических замечаний о поэзии В. Павловой сводится к обвинениям поэтессы в чрезмерной физиологичности, «телесности» ее лирического образа, однако истоки подобной физиологичности более глубокие, чем это может показаться на первый взгляд. Эпикурейские мотивы, характерные для поэтического мира В. Павловой, являются своеобразной «маской» автора, формой защиты от обступающего хаоса и пустоты реальности. Перефразируя слова Ф. Ницше, поэтесса ставит собственный диагноз духовному состоянию современной цивилизации: «Бог не умер, Он болеет» [7, с. 300]. «Здесь-бытие» пронизано болью, страданием и одиночеством. Преодолеть пустоту мира, отчужденность человека возможно лишь через обретение Другого, с которым лирическая героиня Павловой стремится стать единым целым: «Отделяю тебя от себя, / Чтобы сделать тебя собой. / Отделяю себя от тебя, / Чтобы сделать себя тобой» [Там же, с. 237]. Поиск Другого оборачивается поиском утраченного Бога. Отсюда кажущиеся кощунственными эротические детали в текстах В. Павловой на библейский сюжет. Сама поэтесса называет свои стихи «молитвами в минуту оргазма», но подобное экстатическое

состояние следует рассматривать скорее как творческий восторг, родственный религиозному экстазу. Недаром столь часто у В. Павловой варьируется мотививно-образный комплекс, восходящий к пушкинскому «Пророку». Однако, в отличие от пушкинского героя, лирическая героиня В. Павловой переживает физические и духовные метаморфозы, находясь в состоянии переполняющих её любовно-эротических чувств, а итогом этих преобразований становится священный плод любви – символический прообраз рожденного Слова. Телесности, таким образом, придается сакральный статус «одухотворенной плоти»: «Благословенно тяготенье. / Благословенна тяжесть тела, покоящегося на теле, / Закон всемирн... Свято ложе» [Там же, с. 13].

Топос тела, репрезентированный в аспекте любовно-эротического пространства, весьма широко представлен в современной женской поэзии, при этом традиционный для произведений подобной тематики любовно-идиллический хронотоп нередко модифицируется за счет семантики возрастного топоса – топоса старости. Примечательно, что «телесный» топос занимает особое место в поэзии зрелых авторов, обращающихся в своих стихах к теме поздней любви. Топос «тела» в этом контексте реализует функции витального пространства, которое, в свою очередь, обретает мифопоэтический статус. В этом плане весьма характерно зрелое творчество Инны Лиснянской. Кульминацией в развитии темы любви стали стихи автора, объединенные в поэтический цикл «Гимн» (2001). Каждое стихотворение цикла – это гимн любви, причем любви двух уже немолодых людей, которые «посреди раскроя империи» [6, с. 494] обрели своё тихое семейное счастье в «птичьей глуши» [Там же, с. 487] на «бесхозной даче» [Там же, с. 488]. Топосы Дома/Дачи и Сада структурируют сакральный центр мифопоэтического пространства и реализуют семантику, восходящую к традиции любовно-эротического топоса в мировой литературе. Категория телесности обретает в этом контексте особый смысл. Лиснянская актуализирует традиционные мифологические и литературные «коды», модифицируя культурные мифологемы (Сад-Эдем, «запертый сад», виноградник) в новом смысловом ключе – в соотношении с авторским биографическим мифом. Так, телесный топос, заданный стилистикой ветхозаветных Песен царя Соломона, соприкасается в стихах поэтессы с возрастным топосом – с темой старости: «Я – твоя Суламифь, мой старый царь Соломон, / Твои мышцы ослабли, но твой пронизателен взгляд. / Тайны нет для тебя, но, взглянув на зеленый склон, / Ты меня не узнаешь, одетую в платье до пят, / Меж старух, собирающих розовый виноград» [Там же, с. 488-489]. Категория телесности маркирует проявление физической слабости, даже немощи героев, входящих в возрастную пору старения. При этом топос тела обретает амбивалентную семантику. С одной стороны, феномен старости и связанные с ним атрибуты физической телесности осмыслены автором как неотъемлемая составляющая физического бытия, подверженного неумолимому бегу времени. Но вместе с тем тленность и бренность физического мира преодолевается метафизической природой любви, которая «больше времени и пространства»: «Что еще спеть, мой ангел, тебе после столь / Долгой зимы, где болел ты, впадая в бред? / Знаешь, любовь огромней, чем эта юдоль, / В случае данном преувеличения нет» [Там же, с. 493]. Автор конструирует гармоничный мифокосмос, построенный по законам идиллического хронотопа и утверждающий внутреннее единство микро- и макрокосма – человека и мира. Любовно-семейный идиллический топос в стихах Лиснянской не только «органически прикреплен... к родному дому» [1, с. 374], но и соотносен с циклическим ритмом природного бытия, что отражается на композиции цикла («зима – весна»). Кроме того, стихи поэтессы перенасыщены деталями быта и будничной жизни, что согласуется с такой особенностью жанра идиллии, как «строгая ограниченность её только основными немногочисленными реальностями жизни. Любовь, рождение, смерть, брак, труд, еда и питье, возрасты...» [Там же]. Пластичный «вещный мир», окружающий лирическую героиню, формирует особый топос телесности – в проекции на замкнутый и цельный мир идиллического хронотопа. Яркий пример тому – стихотворение «На садовой скамейке» [6, с. 491], герои которого своей уединенной и неторопливой жизнью «в одичалые дни посреди некультурных трав» [Там же] напоминают хрестоматийных «старосветских помещиков»: «Наши дни одичали от всяких бессильных забот: / Чем и как подпереть крыльцо и створки ворот, / Как дойти до аптеки, на что лекарства купить?» [Там же].

Топос тела, эксплицированный в модели идиллического мифопространства, органично связан еще с одной важной разновидностью возрастного топоса в современной женской поэзии – с топосом детства. При этом традиционный статус витального пространства детства в современной женской поэзии может утрачиваться, вплоть до трансформации детского топоса в патографическое пространство. Наиболее очевидно эта тенденция проявилась в стихах Инны Кабыш, посвященных теме детства. Топос детства и топос тела составляют в ее стихах нерасторжимое философско-художественное единство, отражая важнейшие аспекты художественной антропологии поэтического мира автора. Специфика антропологического пространства в творчестве И. Кабыш во многом обусловлена традициями христианской антропологии. Вопрос о дуализме человеческой природы осмыслен поэтессой в напряженно-трагических тонах, сопряжен с поисками ответов на извечные «проклятые вопросы» русской литературы и философии, вплоть до тех граней философского поиска, которые затрагивают проблему теодицеи. Представление о «вещной» реальности как о хаосе повседневности, трагическое осознание заброшенности человека, утратившего связь с Абсолютом, формирует особую семантику топоса тела в художественном мире Кабыш. Топос телесности в ее патографических проявлениях – болезнь, физические и нравственные страдания, смерть – становится способом познания Духа через боль, страдание, отчуждение. Показательно, что именно «детский» топос соотносится у поэтессы с топосом телесности в ее отрицательной семантике. В поэзии Кабыш отсутствует характерная для топоса детства четкая бинарная структура. Автор последовательно реконструирует традицию идиллического хронотопа в своих «детских стихах», однако идиллическое неизменно разрушается вторжением «страшного мира»

взрослых. Традиционная метафизика детства существенно модифицируется за счет контаминации топоса детства с мортальным и патографическим топосами. Возникает особое пограничное пространство между миром взрослых и миром детей – «недетский мир». Подобная семантическая и структурная диффузия топоса детства в творчестве Кабыш обусловлена экзистенциальной метафизикой, созвучной самой природе художественного мышления автора. Пограничное состояние лирической героини Кабыш, внутренне отгораживающей мир взрослых, проецируется на «замкнутые» патографические топосы, актуализирующие семантику болезни: психбольница, школа-интернат, детский дом. Топос дома, который традиционно является центральным архетипом идиллического хронотопа, в «детских стихах» Кабыш обретает признаки патографического топоса. Включенный в реальность взрослого мира, архетип дома редуцирует сакральный смысл: «домашнее» пространство оказывается проницаемым и утрачивает основную функцию – защиты от разрушительных внешних сил зла, болезни, смерти. В своей поэзии И. Кабыш смело, порой с использованием приемов гротеска, диагностирует болезнь нового времени – разрушение семьи и, как следствие, утрату традиционных смыслов, заложенных в образной структуре архетипа дома. В стихотворении «На краю» [4, с. 41-43] сакральный центр – Дом – смещается на периферию пространственного космоса, обнажая «сиротство» не только лирической героини, потерявшей мать, но и современного человека вообще. Образ дома на краю становится символом абсурдной хаотичной реальности – антимира, в котором перевернуты традиционные представления о добре и зле, о любви и сострадании. Героиня стихотворения «Майский снег» из цикла «Детские игры» [3, с. 100-103] отвергает «взрослый» антимир, в котором человек обречен на страдание и одиночество. Девочка-подросток, страдающая смертельным недугом, в порыве боли и отчаяния отказывается от воскресения «своего личного тела», потому что «если его сожрал рак, то пусть доедят черви – и точка» [Там же, с. 101]. Сквозным мотивом становится мотив воскресения тела, вынесенный в эпиграф и восходящий к «Апостольскому символу веры»: «Верую в воскресение тела» [5, с. 29]. «Бунт» героини, «решившей умереть и не воскреснуть» [3, с. 101], – это попытка детского сознания отвергнуть «вывернутый наизнанку» мир взрослых, построенный на «слезинке» ребенка: «должен же кто-то один не воскреснуть – за всех с отрезанными грудями / и оторванными руками-ногами, / потому что иначе так будем вечно...» [Там же, с. 102]. Мотив воскресения тела обретает топологическую конкретность в финале стихотворения и реализуется с помощью символики границы – порога, который переступает героиня, выходя во двор своего дома. Категория телесности редуцируется снежной символикой, осложненной развернутой метафорой «майского снега» (белый снег – саван – цветы черемухи): «...он (снег – Н. Р.) облепил меня / и стал моим телом, / и я вся белая, новая, / как невеста, / стоя посреди двора, / где цвела черемуха и все падал и падал снег, / вдруг увидела, что и над тем полем / с безрукими и безногими мальчиками / тоже идет снег. / Этот майский снег» [Там же, с. 103].

В финале пасхальная символика текста совмещается с рождественской образностью, актуализирующей традицию жанра рождественского и святочного рассказа, прежде всего традицию Ф. М. Достоевского. «Пластмассовая елочка», которую бережно держит героиня Кабыш, – образ, метафорически соотносительный с мифологемой Древа Жизни. Интертекстуальная параллель с рассказом Достоевского «Мальчик у Христа на ёлке» [2, с. 457-462] важна для понимания пространственных модификаций в произведении Кабыш. В жанре святочного рассказа силы зла, хаоса, тьмы вытесняются силами добра, гармонии, света. Реальное физическое пространство в стихотворении трансформируется в идеальное метафизическое пространство, в котором преодолеваются трагические противоречия земного мира. Важно, что эти трагические противоречия снимаются автором лишь в условно-символическом пространстве – в преображенной, сказочной реальности.

В заключение отметим, что представленные в статье наблюдения позволяют наметить дальнейшую перспективу исследования динамики типов, моделей и образов художественного пространства в современной женской поэзии.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
2. Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 12-ти т. М.: Правда, 1982. Т. 12. 544 с.
3. Кабыш И. Детские игры // Новый мир. 1995. № 9. С. 100-108.
4. Кабыш И. Место встречи // Новый мир. 1996. № 1. С. 41-49.
5. Катехизис Католической Церкви: Компендиум. М.: Духовная библиотека, 2007. 216 с.
6. Лиснянская И. Одинокий дар: стихи; поэмы. М.: ОГИ, 2003. 512 с.
7. Павлова В. Совершеннолетие: стихи. М.: ОГИ, 2004. 352 с.

BODY TOPOS IN MODERN WOMEN'S POETRY

Ryabtseva Natal'ya Evgen'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Volgograd State Social-Pedagogical University
ryabtseva.natalya@mail.ru

The author considers the structural-semantic modification of the body topos as the form of artistic representation of the anthropological type of dimension in modern women's poetry, researches the body topos in the aspect of interaction and dynamics of three dimensional models: age-related, patho-graphical and love-erotic topoi; and pays special attention to the "corporeal" topology of idyllic myth-space and the ways of its semantic and structural transformation in the metatext of modern women's poetry.

Key words and phrases: topos of body; vital space; patho-graphical topos; topos of childhood and old age; mythopoetic space model.